

Судьба распорядилась так, что роль неудачника в их семье выпала именно ему. Он бы и хотел стать кем-то другим, кем-то умнее и лучше, но место уже было занято. Его старший брат Павел рано начал говорить, читать и писать, показывал поразительные успехи в учебе, был примерным сыном и гордостью школы. А Александр был лодырем, мечтателем и хулиганом. Кто разбил окно, намочил тряпку мыльной водой и прилепил конфету к спинке учительского стула? Конечно, Александр Верейский. А кто выиграл олимпиаду по биологии, принес больше всех макулатуры и снял котенка с дерева? Конечно, Павел Верейский. Павел собирал гербарий, а он – остатки табака из отцовских папирос. Павел зачитывался медицинскими энциклопедиями, а он – книгами Дюма, Азимова и Лема. Павла интересовало, как устроен мир, а его – как из этого реального мира сбежать. Павла первым в классе приняли в комсомол, а его единственного из всех не приняли в него вообще. Но родителей тогда это не сильно заботило. Они любили его мягкой, потакающей любовью и к его радости не тратили времени на муштру и наказания.

Павел без проблем поступил в первый мед, в котором когда-то учился их отец, а Александр, естественно, провалил экзамены. Устроился санитаром в Боткинскую, надеясь, что на следующий год, как-то миновав армию, поступит, хотя по большому

счету ему было откровенно без разницы, куда поступить. А точнее, куда не поступить. Его ничто особо не интересовало. И в выходные, вместо того чтобы нависать над учебниками, он слонялся по улицам с местной шпаной. Один раз его даже взяли на задание – обчистить квартиру. Но из всего того, что они с товарищами вынесли, ему выделили лишь тоненькую цепочку, да и та, как он понял уже дома, оказалась всего лишь позолоченной.

Не поступил он в медицинский и на следующий год. Мать пила валокордин и каждый день ходила в церковь ставить свечки, чтобы его не отправили в Афганистан. Александр не знал, кто из святых внял ее молитвам, но в Афганистан он действительно не попал. Зато, несмотря на граничащую с непригодностью к службе кардиограмму, его определили на флот, и на три года, вместо сухопутных двух, он отправился на Дальний Восток.

Из армии он посылал домой длинные жизнерадостные письма, сопровождая их карикатурами в виде животных на своих сослуживцев. Мать радовалась, что с ним все в порядке, отец радовался, что их сын хотя бы не нытик. В ответ же Александру чаще всего приходили письма, выведенные все менее разборчивым почерком Павла. К концу его службы из всех их писем можно было сложить неплохую книгу армейско-врачебных рассказов и небылиц.

С Дальнего Востока Александр вернулся повзрослевшим, похудевшим и погрузневшим. Мать бросилась к нему на шею с поцелуями, пачкая его обветренные щеки жирной красно-коричневой помадой. Отец хлопал по плечу и бравадно повторял: «Орлик вернулся. Ну, заживем!» Павел гордился братом, любовался его нарядной формой и обещал познакомиться с одной миловидной студенткой педагогического факультета.

На следующей неделе они вместе отправились на день рождения к товарищу Павла. Конечно же, среди приглашенных была и эта студентка. Она и вправду оказалась на редкость хороша собой, волосы ее были уложены красивой волной, и цвет платья весьма шел к ее лицу. Но когда пробка от шампанского угодила Александру прямо в левый глаз, она так пискляво и отрывисто засмеялась, что вся зарождающаяся симпатия к ней с его стороны вмиг исчезла. Дура. Павел потом спрашивал, понравилась ли она ему, и очень удивлялся, получив отрицательный ответ. Он предпринял еще одну попытку устроить счастье брата, но, услышав комментарий про слишком большие уши девушки, оставил это. Сам Павел уже давно встречался с деловитой, постоянно дававшей непрошенные советы студенткой юрфака Галочкой и уверял привередливого братца, что ищут не до лучшей, а до первой подходящей. Александр мог только позавидовать его практичности и удачливости. Никакие «подходящие» ему не попадались, все было не то. На горизонте маячил призрачный идеал, но он был настолько призрачный, что Александр опасался, что тот затерялся где-то между прошлым и будущим и на его век так и не выпадет никакой встречи.

Потом были какие-то подработки, опять Боткинская... Твердо решив, что больше никаких попыток поступить в мед он предпринимать не будет, Александр подал документы в ГИТИС. У него было живое, пластичное лицо, хороший рост, который особенно бросался в глаза, когда он не сутулился, приятный тембр и удивительная способность касаться каких-то тонких материй души. Но, как оказалось, подобными талантами обладал не только он. И хотя он явно приглянулся членам комиссии, имя свое в списке рекомендованных к зачислению так и не нашел. Его постигла очередная неудача. И сколько их еще будет?

От здания института до дома Александр шел пешком. Надо было подумать. Надо было что-то делать со своей жизнью. Заняться чем-то полезным, начать зарабатывать, отдавать родителям деньги за квартплату и продукты. Надо было найти место, в которое он будет уходить и из которого будет возвращать-

ся, как любой нормальный человек. Любой. Нормальный. Человек. Только была одна проблема: он не был нормальным. Он был бракованным, плохо сделанным устройством, которое вопреки всем законам логики как-то умудрялось функционировать. Все чаще его мучили мысли о бессмысленности жизни. У своего существования он не видел никакой цели. Он не обладал выдающимися способностями ни в одной области, он не встретил ту самую женщину, которая должна была перевернуть весь его мир с ног на голову, а потому не хотел заводить семью, у него не было каких-то удивительных и сложноосуществимых желаний. Но главное – жизнь не доставляла ему никакого удовольствия. Каждый новый день приносил ему лишь новую порцию сомнений и вопросов. И никаких ответов. Александр не понимал, кто он, чего он хочет и куда он идет. Зато он лучше всех в своем окружении умел держать лицо. Александр Верецкий производил впечатление довольного, пригретого и легкомысленного человека, который мог бы многого добиться, но ему мешает лень.

Чтобы скрыться от родительского внимания, он устроился в военизированную охрану Курчатовского института. В свободное время на работе много читал: книги по истории, философии, классике, которую пропускал в школе, детективы и фантастику. В свободное время от работы делал варёнки и записывал на кассеты зарубежные хиты. Он засыпал, прокручивая в голове песни Высоцкого и Цоя, и просыпался под мелодии The Beatles и Rolling Stones. Он и сам хорошо пел. Мать с отцом любили слушать его на семейных застольях. Павел старался не подавать вида, что любит, с каждым месяцем обрастая циничным врачебным панцирем и пытаясь избегать всяких «сентиментальностей», но та пелена, которая вставала перед его глазами, когда он слушал голос Александра, говорила лучше любых слов.

Когда Павла приняли на работу в Центр Бурденко, они устроили праздник. Родные, друзья... Мест даже за раздвинутым столом не хватило на всех. Павел представил гостям свою невесту, ту самую Галочку-советницу. Они сидели с ней рядом, соприкасаясь рукавами, и были такими бесконечно молодыми, счастливыми и пьяными уже от того, что все в их жизни правильно и идет своим чередом. Звучали тосты и шутки. Звенели бокалы. Когда стемнело, Александр достал гитару и под мерцание свечей зачем-то спел «В лунном сиянии». За окном стоял июль, полный надежд и очарований. Воздух был таким теплым и опьяняюще сладким, что хотелось пить его, как вино. А он отчего-то пел про зиму

и горечь, про чужую любовь. И ему самому вдруг стало так больно и горько, что на последних словах голос его надломился и треснул. Но никто этого не заметил – все думали о чем-то своем. Кроме Павла. Он смотрел прямо на брата, умный и пронизательный. Словно вспомнил то, чего помнить не мог, и безмолвное прошлое загустилось папиросным дымом между ними по столу.

Затем играли свадьбу Павла. Александр был без подружки и потому весь вечер протанцевал с сестрой невесты. Мать щебетала «Как хорошо вы смотрите вместе», вгоняя девушку в краску. Время от времени та робко поглядывала на Александра, но не находила в его взгляде взаимности. Вот же ирония. Он мог подойти почти любой, но той, которая нужна была именно ему, все не было. Он искал ее в театрах и кино, вглядывался в лица прохожих. В метро, троллейбусе, магазинах и парках. Ее не было нигде. «Да Саша, что Саша... Обалдуй он, – отмахивалась мать в разговорах с подругами. – Безответственный мой Саша! И в кого только? Горе-то какое». «Да прекрати ты, мать, дай человеку нагуляться. Не дави ты на него, сам разберется. Уже не маленький», – пытался смягчить ее отец. А вот Павел в этом вопросе твердо стоял на стороне матери. Александр отчетливо различал, что восхищение первых месяцев после его возвращения из армии давно уже сменилось во взгляде Павла густым и тягучим неодобрением: бесперспективный, безынициативный бобыль. Его рациональный, прагматичный, порядочный и любящий порядок брат усматривал в его нежелании самореализации лень, а в нерешительности перед отношениями – прикрытый романтикой эгоизм. Александр всем сердцем протестовал против этих ярлыков, но как знать... Может, он и сам себя не знал.

Вскоре Павел съехал из родительской квартиры и зажил своим домом. «Паша – нейрохирург, – гордо заявляла мать по телефону все тем же подругам. – А Саша... Саша в Курчатовском работает». И после этих слов всегда быстро переводила разговор на что-нибудь еще, лишь бы не пришлось уточнять, что ее младший сын вовсе не ученый, а самый обыкновенный охранник.

И хотя Александр не чувствовал в себе никаких амбиций, но постоянная материнская конспирация так ему опостылела, что невозможно захотелось сбросить удушливую маску неудачливого Арлекина и доказать себе, родителям и Павлу, что он тоже чего-то стоит. Его бывшие школьные товарищи решили организовать кооператив, и Александр ухватился за эту идею как за шанс стать успешным,

обеспечить себе и родителям такую жизнь, о которой Павел, горбившийся над операционным столом, даже не мог и мечтать. Вот только денег, чтобы вложиться в дело, пришлось просить у отца. Идея сына заняться изделиями из кожама хоть и смущала его – они с Павлом спасают реальные человеческие жизни, а Александр не придумал ничего умнее, чем заняться подделками, – но в то же время вселяла надежду. А вдруг! Впервые Александр решил заняться чем-то своим, взять на себя ответственность, не стоило рубить планы сына на корню. «Я все верну. В два, три раза больше верну!» – обещал Александр, пряча отцовские деньги во внутренний карман куртки.

Вначале работа шла бодро. Они сделали и продали несколько вещей. Успешное начало необходимо было обмыть, и вся прибыль ушла на это. Затем большая часть вырученных от продажи средств пошла его «семейным» партнерам. Саша, ты же понимаешь, жены-дети, это такое дело... Да, конечно, понимаю. И дальше его доля оставалась все такой же небольшой. Похвастаться было нечем. Вместо отведенных сторицей денег он отплатил отцу натурой. Да и то не совсем ему – подарил матери на день рождения сумку и куртку из искусственной кожи, которую она вроде как благодарно приняла, но так никогда никуда и не надевала.

От безысходности Александр начал играть. Удача улыбнулась ему только вначале, а затем пошла непрерывная полоса невезения, которая лишь сильнее поджигала его азарт и желание отыграться. Не везет в картах – повезет в любви. Он так часто слышал эту фразу, что уже готов был в нее поверить. Но в любви ему тоже не везло. Были какие-то женщины, лица которых он забывал сразу же после того, как они расставались. Были какие-то объятья и поцелуи. Нежеланные, пустые. И ночные разговоры по телефону с гнетущими паузами, которые он должен был заполнять признаниями в чувствах, которых у него не было. Коммерсантом он так и не стал, дела шли из рук вон плохо. Не было в нем предпринимательской жилки, стержня, куража. Все на нем проезжались. «Мягкотелый наш Саша, безотказный», – говорил отец, все больше и больше разочаровываясь в сыне, и окончательно перестал давать взаймы. И Александр теперь раз за разом звонил брату. Паша, выручай. Паша, дай. Паша, верну. Клянусь-обещаю. И раз за разом Павел с тяжелым сердцем выручал, давал и не надеялся, что брат ему что-то вернет. Жена Павла с каждым таким звонком все сильнее мрачнела, а вскоре и вовсе перестала сдерживаться и откровенно говорила о том, что ду-

мает о его непутевом, безответственном и бездарном брате. Александр приносил хаос и разлад в их и так неидеальный семейный быт, но ничего не мог с собой поделаться. Только Павлу он доверял и все еще надеялся, что когда-нибудь сможет отплатить ему сполна.

Когда и как наркотики вошли в его жизнь, он и не понял сам. Хотя... Они пришли вместе с ней. Это она их принесла. Молодая художница. Сбросила пепел от сигареты на его ботинки, ухмыльнулась, вскинув бровь. «Софья», – протянула руку с рассеченными тонкими полосами запястьями. Все пальцы в кольцах, в ушах звенят крупные серьги. «Хочу написать ваш портрет». Вот так запросто остановила посреди улицы, а он почему-то согласился. На следующий день пришел к ней в мастерскую. Разглядывал картины с оглушением. Талантлива глубоко и прочно. Порочно. Какая-то болезненность во всех работах, даже ярость. Но ведь хороши, свежи. И все портреты. И все мужские портреты. Ловит на себе ее взгляд. Разглядывает его, словно товар на прилавке. Оценивает. «Наконец-то. Идеально. Именно то, чего не хватало. Посмотри на свой профиль». Бесцеремонно перешла на «ты». Подала ему зеркало, а сама отошла. Любуется. «И нос с горбинкой. Совершенен». Заварила кофе в турке. Немного перца и меда. «А это на десерт», – протянула запястье, а на нем, прямо по линии одного из шрамов – белая полоска. «Не бойся, попробуй». И он, зачарованный всей этой распушенностью, зачем-то пробует. Втягивает ноздрями белую пыль. И запивает сладким и острым кофе. И жизнь вдруг начинает нестись по венам. Ему становится так легко, как не было никогда.

Все дороги теперь ведут в ее мастерскую. Он идет в кооператив, а попадает к ней. Идет в универсам за столичным и «Столичной», и вновь у нее. Он приходит к ней часто и остается, пока не прогонит. Она пишет его, а в перерывах между этим они спят, пьют портвейн, курят «Яву» «явскую» и нюхают с линий жизни на ее ладонях асбестовые дорожки. Иногда приходят ее друзья-художники. Ее друзья. Или ее любовники? Ревнует до смерти, но вида не подает. Решает с ней познакомить Павла. Мол, смотри, и у меня кое-кто появился. Нашел я. А ты волновался. Ведет посмотреть на ее картины. И на нее. Пока идут, захлеб рассказывает, какая невероятная. 0-го-го красotka и талант-талантище! Пришли. Представляет их друг другу. Соня протягивает Павлу руку, а тот, после рукопожатия, демонстративно вытирает ладонь платком. Оскорбилась страшно. «Заразу платком не сотрешь. Не желаете

спирта?» – а сама улыбается как ни в чем не бывало. «Предлагаете принять внутрь? Не хотелось бы нарушать традиции этого дома, но как-нибудь обойдусь». Вот и познакомились. Два главных человека в его жизни возненавидели друг друга с первого взгляда.

«Нашел кого выбрать, Саша. Подружка твоя – маргиналка и наркоманка», – отчитывает его на лестничной площадке Павел. «Замолчи, Паша, ты ее совсем не знаешь». Да он и сам ее толком не знает. И вместе с тем ему кажется, что он знает ее лучше всех на свете. Вот же глупость. Глупеет на глазах.

Так и живут.

Время течет так странно в этой новой для него жизни, в которой появилась она. Иногда Соня просит его что-то купить. Молоко, мед, орехи. Охра, марс, умбра. Но денег никогда не хватает. Когда он в последний раз работал? Когда в последний раз что-то получал? И Александр пускается во вранье, придумывает десятки причин и опять просит брата об одолжении. Какое-то время Павел даже продолжает идти ему навстречу, но с каждым разом делает это все менее охотно. Чтобы усмирить бдительность брата, Александр начинает понемногу возвращать ему долги. Берет в долг у матери, чтобы вернуть долг брату. И так без конца. «Какая низость», – думает он о себе и все время ждет, когда же в своем падении он достигнет дна, чтобы наконец от него оттолкнуться.

Но дно все не наступает. Лишь чернота и белый порошок. И «Звезда по имени Солнце», поставленная на повтор. И запах масла и растворителя в ее мастерской. И крепкие ночные объятия. Рука в руку. И совместные ломки.

Он переезжает жить к Софье. «С такой подругой и враги не нужны, Саша», – причитала мать. Но он делал свое фирменное беззаботное лицо, и она немного успокаивалась. Да, ее второй сын хоть и не умница, как первый, но где-то в глубине души он знает, что делает, и обязательно разберется со своей жизнью. «Мама, не волнуйся», – уверенно говорил он, а она и рада была обманываться. «Паша, не волнуйся», – ободряюще говорил он, а брат свирепел. «Эта твоя... Сожительница твоя. Картины бы, что ль, продавала. А то все малюет, малюет, а толку-то!» И чем более желчно Павел отзывался о Софье, тем сильнее Александр различал в его голосе не только ненависть, но и что-то еще, что поначалу не мог разобрать. А потом до него дошло. Сквозь плотный, делающий все нереальным и зыбким наркотический занавес он ясно увидел это, отчетливо представил, как Павел запирается в ванной, вы-

врачивает кран с холодной водой и... Захотелось спросить: «Что, Паша, нравится она тебе? Хочешь ее? Хороша девка? Ни чета она твоей кудахчущей жене?» Но посмотрел на вымотанное от работы лицо брата, на его широкие, ссутуленные плечи, и не спросил. Да и есть ли разница?

Александр понял, что дело совсем плохо, когда застал себя в коридоре у Павла доказывающим что-то его беременной жене. Взглянув на ее скрещенные на животе руки и почувствовав волны презрения, исходившие от нее, Александр вдруг заппнул. Вышел из квартиры и через полчаса принес огромный пакет апельсинов.

В следующем месяце он почти не звонил брату. Но на большее его не хватило. Опять нужны были деньги. Софья, сжавшаяся в позе эмбриона в пустой ванне, билась о чугунную, с облезлой карриозной эмалью поверхность лбом и сипло твердила, что сейчас перестанет, прекратится... Хныкала, как ребенок. Просила помочь, и тут же переходила на крик, требуя дозы.

Прошу тебя, умоляю! Сейчас! Мне нужно прямо сейчас! Где?! Почему ты не несешь! Тваааарь! Меня разрывает изнутри! Ничтожество! Слабак! Я подыхаю! Саша, сделай же хоть что-нибудь, иначе я просто вскроюсь! И Александр, пытаясь унять липкую дрожь в теле, тенью выскользнул на улицу. Не придумал ничего лучше, как украсть. Из родительского дома. Пока никого нет. Прокрасться, забрать и продать. Только бы не было никого, только бы не было.

Пока стоял в вагоне метро, припав спиной к надписи «Не прислоняться», думал, что это лучший совет на свете – «не прислоняться». Чем ближе подошел, тем больше отходить. Прилип. Пропал. А может, не возвращаться к Соне? Сбежать от нее и от себя. Обнулиться. Попробовать начать все заново, не дожидаясь, когда на экране поплывут финальные титры «Конец». Александр сомнамбулически вышел на своей станции. Шел к дому, ничего не замечая вокруг, как вдруг выплыла перед самым носом. Неопрятная, златозубая, в каких-то цветастых тряпках. Глаза маленькие, жадные и смеющиеся. В черной радужке все кажется зрачком. Рука трясется, как раскрытый прожорливый клюв. Дай, дай. «У самого нет!» Отмахнулся, попробовал обойти. Но не пропускает. Дай, подай. «Добрый человек, дай. Вижу насквозь. Добрый человек заблудился. Не за тем идешь. Горе добудешь. Лучше подай-ка. Дай. Не ходи. Дай-ка лучше, дай». И трясет своей грязной рукой с сухими узловатыми пальцами. Отскочил в озлоблении. Какая-то карикатура на него самого. Назойливая попрошайка. Кричит что-то следом,

и крик переходит в грохот. И весь мир обращается в рот с золотыми и гнилыми зубами и громкий истерический взрыв над ним.

Дома никого. Снимает обувь прямо за дверью и проходит внутрь в одних штопанных несколько раз носках. От мыслей о краже начинает знобить, но он не отступится. Ничего лучше так и не придумал. Прячет в карман украшения, которые мать бережет для особых случаев, и эти особые случаи никогда не наступают. Часы дедовские, подаренные каким-то знатным пациентом. И пистолеты. Точно. Два дуэльных пистолета. Пылятся на антресоли, а раньше пылинки с них сдували. Никто теперь и не заметит. Засунул в пакет, под куртку. И спешно, с побелевшими губами и горящими щеками, ушел. Надо скорее заложить, продать, чтобы купить то, что сейчас важнее всего.

Пришел с подарком, и Соня, расправившись с ним, вновь стала собой. Вернулась дерзкая веселость, игривость. «А это что?» – указала на пакет. «Пистолеты старые. В другой раз отнесу. Пока хватит». Какая-то сухость во рту. Сел на кровать и весь обмяк. А ей любопытно. Встала нагая. Свет от фонарей скользит по коже. Когда успело стемнеть? Нет сил отвести взгляд. Молодая, гибкая. Даже худощавая. Но как-то трогательно, хрупко. И не скажешь, что больна, зависима. Наоборот. Вибрирует здоровьем и жизнью.

Неприятно шуршит целлофановый пакет. Вынимает один пистолет. Любуется им. Любуется ей. Вспоминает, как в жаркие, душные дни она любит работать голой. «Адольф Лоос писал, что все искусство эротично. И даже крест эротичен. Особенно крест», – стоя у холста, произносила уголкем губ, в другом зажав сигарету. И маленькая капля пота, проделав путь от ее шеи до низа живота, исчезала где-то в темном треугольнике лобка. «Идеально. Совершенен». А когда-то так говорила о нем, в день их встречи. «Заряжен?» Спрашивает восторженно и заинтригованно. Александр сквозь опущенные веки смотрит, как она вертит в руках один из пистолетов. «Ему уже лет сто. Нет, конечно». Голос далекий и словно не его. «Ну, тогда...» Возвращается к нему, держась пальцами за ствол. Запрыгивает рядом и начинает гладить пистолет, словно тот живой. «Интересно, из него убивали?» Рука движется все настойчивее. «У нас в семье все врачи, а не убийцы. Нет, не думаю... Соня?» Невинно вскинула бровь. «А что такого? Я просто играю». Ласкает дуэльный пистолет. Подушечка пальца ложится в дуло. Облизывает губы. «Соня, может, не стоит? Он наверняка в какой-то грязи...» «Ты так

боишься грязи?» Опускает дуло пистолета в рот, глубже проталкивает его и начинает неспешные движения головой. Александр смотрит на Софью со смесью желания и отвращения. Так нелепо то, что она проделывает с этим пистолетом. Какая легкомысленная игра. Такая возбуждающая игра. «Соня, хватит», – хочет сказать он, но как в болезненном сне его охватывает немота. Софья испытующе смотрит на Александра, продолжая поступательно погружать ствол пистолета себе в рот. Ждет, что он начнет отбирать. «Соня, прекрати», – хочет командовать он, но вместо этого с его губ срывается слабый стон. Она замирает. Ее глаза улыбаются. Ее глаза смеются. Она нажимает на курок. Раздается выстрел. И все, что мгновение назад смеялось в ней, перестает существовать, раскинувшись грубыми плотскими мазками по постельному белью и стене. «Соня, прекрати!» – наконец вырывается из его горла. Но уже поздно.

Все дни, которые наступают после, наступают не для него. Они проходят незамеченными. Тонут в наркотической дреме, в объятьях, которые с каждым днем становятся все более смрадными. Александр запирается с телом Софьи в мастерской и лишь изредка выходит за хлебом и за новой порцией спасительного порошка. Каждый раз, возвращаясь, он надеется, что застанет Сою живой. Воскресшей. Но с каждым разом он находит ее тело все более раздутым и безобразным. Он открывает окна, но ничего не помогает. Разложение не останавливать. Мастерская все сильнее наполняется запахом смерти и гниения. И ему кажется, что он и сам гниет заживо вместе со своей Софьей. В приступе решительности он хватается за второй пистолет, но тот пуст. Не заряжен. Пистолет-пустоцвет. Как и он сам. Александр смеется и плачет. Давно пора это прекратить, но ему стыдно и страшно... А после новой порции – хорошо. И смерть более не разлучает их с Софьей. Он видит ее живой. Прекрасной, чистой и проникнутой светом. Но за ночью иллюзий неминуемо наступает утро, или день, или вечер прозрения. И эта похожая на кошмар реальность мастерской сводит его с ума. Тело Софьи разбухает, и кровать впитывает все то, что когда-то было ей. Александр ложится на пол, и на помощь ему вновь приходит верный белый помощник. И так по кругу. Но затем все кончается – и порошок, и деньги, – и пальцы вновь берутся за телефонный барабан. Александр крутит его, звонит Павлу и сбрасывает, не дождавшись ответа. Вновь набирает, произнося про себя, как мантру: «Паша, приезжай. Сони больше нет. Тут кошмар. Что же я наделал». Не выдерживая,

прерывает вызов. На шестой раз он все-таки слышит гремющий негодованием голос Павла и вместо того, чтобы сказать то, что должен, почему-то жалобно просит: «Паша, последний раз. Так плохо, Паша».

«Саша, прекрати звонить! У меня завтра серьезная операция, ты это понимаешь? Мне рано вставать», – процедил Павел. На часах было два ночи. О том, что жена его лежит в роддоме и со дня на день должна родить, он решил промолчать. Братец-эгоист все равно не поймет. Куда ему, несчастному романтику, до таких низменных забот. Но телефон не унимался. Звонил и звонил. «Саша, прекрати хулиганить, завтра поговорим!» – закричал Павел и выдернул телефонную розетку.

Утром ярко светило солнце, играя лучами на вымытых до блеска стеклах горки и вычищенном линолеуме. В квартире стояла тишина. Глядя в окно, Павел съел два бутерброда с сыром, овсянку и выпил еще более крепкий, чем обычно, черный чай. Одевшись, он отправился на работу.

Из операционной он вышел обессиленный, но довольный. Операция прошла успешно. «Павел Евгеньевич, – смущенно и испуганно отводя глаза, подозвала его сестра. – Ваш отец звонил. Павел Евгеньевич... у вас умер брат».

